

«Отец?.. Матушка?..» — тихо застонал Тан Яньчжи.

Голова раскалывалась так, будто её раскололи надвое. Ощущение было до боли знакомым: именно так себя чувствуешь после дикой попойки, если вовремя не принять трезвящую пиллюлю.

Кое-как приподнявшись, он опёрся на жесткий край ложа и замер. Что-то было не так. Разве он не был смертельно ранен? С теми увечьями его не спас бы и великий бессмертный...

Тан Яньчжи опустил взгляд на убогую постель, затем огляделся вокруг. Разве в его родном клане Тан водились такие трущобы? Он вытянул перед собой руки — ладони покрывали жесткие мозоли. Это тело принадлежало не ему.

К головной боли примешался спасительный голод. Чисто машинально Тан Яньчжи нащупал на прикроватном столике крошечный пузырёк и вытряхнул на ладонь одну пиллюлю Отказа от Пищи. Помассировав виски и дождавшись, пока боль немного утихнет, он принялся разбираться в чужих воспоминаниях, хлынувших в разум.

Ему досталось тело тёзки. Прежнего владельца тоже звали Тан Яньчжи. Будучи младшим сыном в семье, он с пелёнок рос в холе и неге, окружённый слепой родительской любовью. Жизнь его должна была течь мирно и гладко. И так оно и было все двадцать три года — до тех пор, пока его родители не сгинули в таинственном ущелье, попав в ловушку завистников.

Его отец и мать числились старейшинами в Школе Северной Горы. Оба находились на седьмом уровне Концентрации Ци, тогда как сам глава едва достиг восьмого. На всю школу едва ли набрался бы десяток мастеров сильнее пятого уровня. Пользуясь положением родителей, которые к тому же вот-вот должны были пробиться на стадию Создания Основания, прежний Тан Яньчжи вел себя как последний наглец. Он ходил по школе задрав нос и успел нажить столько врагов, что и сам со счета сбился.

Стоило родителям пропасть (скорее всего, они уже были мертвы), как всё переменялось. Меньше чем за месяц у парня отобрали почти всё наследство и вышвырнули в эту полуразрушенную лачугу на окраине.

Потеряв опору, прежний владелец тела не придумал ничего лучше, как беспробудно пить. В конце концов он попросту спился до смерти, уступив место новой душе.

«Значит, это не захват тела», — облегченно подумал Тан Яньчжи.

Но главное — у него наконец-то появились духовные корни! Пусть самые никчемные, мусорные. Пять духовных корней, но всё же!

«Интересно, узнали ли отец, матушка и младшие братья о моей гибели? Как они там?» —

прошептал он в пустоту.

Тут до его носа донёлся удушливый, кислый запах тухлой рыбы. Тан Яньчжи принялся к собственному рукаву, и его лицо мгновенно потемнело. Судя по воспоминаниям, этот бездельник не мылся и не менял одежду больше двух недель. Только пил до беспамятства да спал.

Он потянулся к пузырьку на кровати. Внутри болталось всего несколько пилюль Отказа от Пищи. Строго говоря, настоящими пилюлями они не являлись — лишь притупляли голод дня на три, а стоили при этом баснословные сто лянов серебра за штуку.

Где находится кухня, он помнил. Тан Яньчжи поднялся, отыскал в шкафу самое невзрачное платье, сотворил Очищающее заклинание и быстро переоделся. Вся его роскошная одежда давно перекочевала в чужие сундуки. Остались лишь эти невзрачные вещи из грубой темной ткани.

Растапливая очаг, чтобы согреть воды, Тан Яньчжи продолжал прокручивать в голове чужую жизнь. Вдруг он наткнулся на нечто поразительное: у него, оказывается, имелся сын и... глупый спутник Дао?

Если быть точным, тот мужчина не сочетался с ним узами брака официально, но отцом ребенка действительно являлся он. Один нелепый случай — и на свет появился Сяо Цзыань. Мальчика выносил и родил сам Тан Яньчжи. Хотя прежний владелец тела определенно был мужчиной.

Тан Яньчжи, проживший прошлую жизнь в гордом одиночестве, не стал забивать голову вопросом, как мужчине удалось забеременеть. Он был более чем доволен. Сразу и муж, и сын — сказка!

В прошлой жизни он родился обычным смертным, лишенным дара к культивации. Простых людей он не замечал сам, а практики, искавшие его расположения ради выгоды его семьи, вызывали лишь отвращение. Истинные же гении и не взглянули бы на него: для бессмертных сотня лет пролетает как один миг, и связывать судьбу с тем, чья жизнь угаснет столь быстро, никто не желал.

— Отец, я знаю, что ты голоден. Потерпи немного, я сейчас приберу вещи и приготовлю что-нибудь, — раздался снаружи звонкий детский голос.

Шаги приближались к кухне. Тан Яньчжи повернулся к двери и увидел вошедшего мальчика.

«Это мой сын?» — сердце радостно затрепетало. Тан Яньчжи подался вперед:

— Сы...

Сяо Цзыань мгновенно отпрянул и застыл в оборонительной стойке. Голос его прозвучал резко и враждебно:

— Ты что здесь забыл?!

Не дожидаясь ответа, мальчик задвинул себе за спину стоявшего позади человека и ледяным тоном добавил:

— Все деньги до последнего медяка ушли на твое пойло. Больше ничего нет.

Улыбка застыла на лице Тан Яньчжи. Поведение Сяо Цзыаня красноречиво говорило о том, что перед ним стоит не родной отец, а злейший враг.

Он поспешно зарылся в память тела и мысленно выругался. Прежний Тан Яньчжи действительно был порядочной тварью. Пить совершенно не умел, а напившись, пускал в ход кулаки. Сяо Лои, хоть и находился на третьем уровне Концентрации Ци, из-за своего слабоумия никогда не давал отпора. А маленький Сяо Цзыань, еще даже не начавший практиковать, и вовсе был беззащитен.

При этом глупый Сяо Лои упрямо тянулся к обидчику. На лбу у него до сих пор белел уродливый шрам — след одной из пьяных драк, когда прежний владелец тела едва не забил беднягу до смерти. Лишь после того случая дурачок начал его дичиться.

Тан Яньчжи приоткрыл рот, но нужные слова не шли на ум. Наконец он выдавил хриплое:

— Я просто... воду грею.

Сяо Цзыань смерил его недоверчивым, колючим взглядом:

— Раз тебе нужна кухня, забирай.

Развернувшись, он крепко схватил Сяо Лои за руку и потащил прочь.

— Пойдите... — попытался вернуть их Тан Яньчжи.

Но услышав его голос, мальчик лишь прибавил шагу.

«Эх», — мысленно вздохнул Тан Яньчжи. Придется набраться терпения. Столько лет мечтать о семье, получить её в один миг — и обнаружить, что родные люди шарахаются от тебя как от чумы.

Отойдя на приличное расстояние, Сяо Цзыань наконец отпустил руку мужчины.

— Яньчжи... — жалобно протянул Сяо Лои, дергая мальчика за рукав и пытаясь увлечь обратно к дому.

— Яньчжи, Яньчжи! Только о нём и думаешь! Ну и иди к своему Яньчжи, пусть он тебя до смерти забьет! — в сердцах выкрикнул Сяо Цзыань, вырывая руку.

Он из кожи вон лез, добывая еду для этого дурачка, а тот всё равно рвался к человеку, который его избивал! Где справедливость?

Сяо Лои растерянно посмотрел на свои пустые ладони, а затем перевел непонимающий взгляд на сына. Он искренне не соображал, почему ребенок так злится.

— Хочешь к нему? Так проваливай! И назад не возвращайся! — со слезами крикнул Сяо Цзыань.

Он отвернулся, пряча лицо в ладонях, и глухо, по-звериному зарыдал от обиды.

Мальчик выглядел старше своих лет, но на самом деле ему едва исполнилось шесть. Еще год назад всё было иначе. Да, его непутевый папаша Тан всегда его ненавидел и гонял, но зато второй отец — Сяо Лои — пылинки с него сдувал.

Тогда и в школе к ним относились с уважением. Но всё рухнуло, когда Сяо Лои отправился в опасные земли на поиски редкой травы, способной улучшить духовные корни Тан Яньчжи. Там на него напал свирепый зверь. Сяо Лои выжил, но удар по голове лишил его разума. С того дня их жизнь превратилась в ад.

А месяц назад началось настоящее изгнание. На кухне им перестали выдавать еду, ученики разворовали их скромные пожитки, а самих выставили вон, поселив в этой глуши. Бывшие друзья Сяо Цзыаня теперь при встрече плевали в его сторону и кидались камнями. Шестилетнему ребенку пришлось самому ходить в лес за пропитанием, чтобы прокормить полоумного отца.

Сяо Цзыань просидел на корточках довольно долго, пока обида немного не утихла. Наконец он поднялся и вытер слезы рукавом:

— Проголодался? Пойдем, я приготовлю что-нибудь...

Ответа не последовало. Мальчик огляделся — тропинка была пуста. Сяо Лои исчез.

«Неужели вернулся к этому ублюдку?! — испугался Сяо Цзыань. — Жизнь ничему не учит!»

Сердце забилося от тревоги. Мальчик бросился обратно к лачуге.

Кухня

Тан Яньчжи сидел у очага, подбрасывая дрова и тяжело вздыхая. Вообще-то Очищающее заклинание сделало его тело безупречно чистым, но старая привычка брала свое. В прошлой жизни он был простым смертным и привык мыться в теплой воде, ведь без духовных корней сотворить даже простейшее бытовое заклинание было невозможно.

Подкинув пару поленьев в огонь, он решил сперва искупаться, а уже потом на свежую голову обдумать, как вернуть доверие сына и мужа.

Шорох у порога заставил его обернуться. В дверях, переминаясь с ноги на ногу, стоял Сяо Лои. В его глазах читалось детское любопытство, смешанное с робким страхом.

Глаза Тан Яньчжи радостно блеснули. Он приветливо помахал ему рукой:

— Иди сюда, Лои. Почему ты один?

Стоило Тан Яньчжи позвать его, как страх Сяо Лои мгновенно испарился. Счастливый, он подбежал к нему и замер рядом, преданно заглядывая в глаза, словно верный пес.

Раздалось громкое, отчетливое урчание пустого желудка.

Тан Яньчжи с улыбкой посмотрел на его живот. Сяо Лои тут же смущенно прижал ладони к ребрам и соорудил преувеличенно серьезную мину, делая вид, что этот звук не имеет к нему никакого отношения.

— Проголодался? — Тан Яньчжи с трудом подавил смешок. Не дожидаясь ответа, он поднялся и направился к своей комнате. — Пойдем, я принесу чего-нибудь перекусить.

Сяо Лои шел за ним след в след, словно тень, светясь от тихого счастья.

— Ну и дуралей же ты, — мягко проговорил Тан Яньчжи. Уголки его губ сами собой поползли вверх. Он бережно взял мужчину за руку и повел в свои покои.

Почти все ценности у прежнего владельца отобрали, но тот успел припрятать один невзрачный мешок Цянькунь размером с ладонь. Пространство внутри было крошечным, от силы один кубический метр, но Тан Яньчжи сумел набить его самым необходимым.

Помимо прочего, там хранился приличный запас еды и, по скромным подсчетам, несколько десятков тысяч лянов серебра. Осознав, что родители не вернутся, прежний Яньчжи вовремя распродал часть семейных реликвий, а вырученные деньги спрятал подальше от чужих глаз. Конечно, на выпивку ушло немало, но оставшейся суммы вполне хватало на безбедную жизнь.

Доставая из мешка ароматную сдобу, Тан Яньчжи мысленно проклинал своего предшественника. Ну и мразь. Сам жрал в три горла, а собственного ребенка и спутника Дао морил голодом.

Он вытащил несколько пышных белых маньтоу и вложил их в руки Сяо Лои, а сам принялся за дело: набрал риса, промыл его и поставил вариться, попутно разогревая в котелке остатки сытных блюд.

Сяо Лои в мгновение ока умял две булочки. Тан Яньчжи налил ему пиалу теплой воды и усадил на табурет, велел есть не торопясь. Сам же принялся наводить порядок в комнате, где царил неопишуемый хаос. Впрочем, даже заваленная хламом, она была куда теплее и уютнее той каморки, где ютились отец с сыном.

Куда бы ни шел Тан Яньчжи, взгляд Сяо Лои неотрывно следовал за ним. Он послушно сидел у стола и уплетал маньтоу, светясь от тихой радости.

Валявшиеся на полу пустые кувшины из-под вина Тан Яньчжи рассортировал: разбитые прибрал в угол, а целые убрал в мешок Цянькунь. Каждая такая склянка стоила не меньше десятка лянов, разбрасываться добром не следовало. Туда же он переложил и все уцелевшие ценные вещи. Когда прежнего владельца выставляли из школы, ему позволили забрать сущие крохи, так что мешок даже не заполнился до конца.

Закончив с уборкой, Тан Яньчжи обернулся и ахнул: Сяо Лои уже приговорил добрый десяток маньтоу и теперь преданно смотрел на него голодными глазами.

Пришлось доставать еще пять штук. Прежний Тан Яньчжи недолюбливал пресное тесто, поэтому запасов мучного в мешке оставалось в избытке.

Сяо Лои тут же схватил очередную булочку, шумно откусил половину и глуповато улыбнулся. Заметив, что Тан Яньчжи наблюдает за ним, он протянул ему недоеденное лакомство:

— Яньчжи?..

Раздался оглушительный треск.

Не найдя никого на кухне, Сяо Цзыань бросился к жилым комнатам. Заметив, что в покоях Тан Яньчжи горит свет, но оттуда не доносится ни звука, он похолодел от ужаса и с размаху выбил хлипкую дверь ногой.

— Что ты с ним делаешь?! — закричал мальчик, заслоняя собой Сяо Лои. Его кулаки были сжаты, плечи мелко дрожали, а в глазах метался загнанный страх.

Он был всего лишь обычным ребенком, не знающим азов культивации. Прошлые побои оставили глубокий след в его душе, и сейчас он напоминал дикого зверька, зажатого в угол.

— Мы поменяемся комнатами. Забирайте эту, — мягко произнес Тан Яньчжи.

— Ладно, — Сяо Цзыань на мгновение опешил, но тут же ухватился за предложение.

Убедившись, что поднимать руку на них никто не собирается, он без лишних слов потянул Сяо Лои к выходу. Тот послушно пошел следом, не забыв сгрести в охапку оставшиеся маньтоу.

Оказавшись на безопасном расстоянии от Тан Яньчжи, Сяо Цзыань легонько ткнул отца пальцем в лоб:

— Тебе же ясно было сказано: не подходи к нему! Он же тебя убьет когда-нибудь, бестолочь!

Сяо Лои виновато опустил голову, не произнося ни слова.

— И не думай, что твое молчание меня разжалобит... М-мф!

— Цзыань тоже кушай, — пробормотал Сяо Лои и ловким движением запихнул пышную булку прямо в открытый рот сына.

— Откуда у тебя маньтоу?! — изумленно выдохнул мальчик, едва прожевав кусок.

— Яньчжи дал. Очень вкусно. Я и для тебя припас, — Сяо Лои залез за пазуху и достал еще две белые булочки, бережно вложив их в руки сына.

— Всё равно не ходи к нему, — шмыгнув носом Сяо Цзыань, чувствуя, как к глазам подступают слезы. — Вот подрасту еще немного, и мы уедем отсюда далеко-далеко. Я заработаю кучу денег, и мы каждый день будем есть сладкие белые маньтоу!

Представив эту прекрасную, сытую жизнь, маленький Сяо Цзыань не удержался и впервые за долгое время искренне улыбнулся.